

**Алтайскій миссіонеръ,
протоіерей Михаилъ Васильевичъ Чевалковъ.**

(„по Памятному Завѣщанію“)*

Михаилъ Васильевичъ Чевалковъ, по происхожденію своему, — Алтайскій инородецъ, изъ рода Мундусовъ, изъ племени бѣлыхъ Телеутовъ, державшихся „черной вѣры“ (язычества); въ язычествѣ его звали Кипріаномъ. Предки его извѣстны до 6-го поколѣнія: отецъ былъ Андрашъ, дѣдъ Клемешъ, прадѣдъ Семешъ, прапрадѣдъ Сеогошъ, у Сеогоша отецъ Сеперекъ, у Сеперека Чебелекъ. Отъ Чебелека и пошелъ родъ, а потомъ и фамилія Чевалковыхъ. Бѣлые Телеуты сначала кочевали по отдаленнымъ степямъ и горамъ Алтая, а за тѣмъ при Сеперекѣ, сынѣ Чебелека, предводительствуемые родоначальниками Мамытомъ и Балыкомъ, пришли въ Кузнецкъ и заявили Кузнецкому тере-бію

*) Автобіографическія записки М. В. Чевалкова.

(начальнику города) о своемъ желаніи платитъ дань бѣлому царю, чтобы подъ его покровительствомъ жить въ этой землѣ. Такимъ образомъ, они добровольно приняли русское подданство и стали платитъ алманъ (дань). Родъ Чевалковыхъ поселился въ Бачатѣ (нынѣ большое и богатое село Кузнецкаго уѣзда). Здѣсь родился отецъ Михаила Чевалкова, а когда ему исполнилось 10 лѣтъ, состоялось переселеніе всей семьи въ Карасукъ, недалеко отъ Бійска. Въ Карасукѣ родился Кипріанъ Чевалковъ; а отсюда, чрезъ 7 лѣтъ по рожденіи Кипріана, отецъ его переселился въ Улалу. Тамъ вмѣстѣ съ новоприбывшими Чевалковыми было въ то время всего только 4 двора. Чрезъ два года прибыло одно русское семейство, — мѣщанинъ Аѳанасій Кониинъ съ дочерью и 3-мя сыновьями. Маленькій инородецъ Кипріанъ былъ отъ природы мальчикомъ наблюдательнымъ и впечатлительнымъ и религіознымъ; все новое, необычное обращало на себя его вниманіе, заставляло спрашивать, вдумываться. Съ младшимъ сыномъ упомянутаго Кониина — Іаковомъ, своимъ ровесникомъ, онъ былъ очень друженъ, вмѣстѣ игралъ съ нимъ и учился у него русскому языку. Замѣтивъ, что товарищъ его постоянно предъ принятіемъ и послѣ принятія пищи, молится Богу, любознательный Михаилъ спросилъ: зачѣмъ ты молишься въ это время? Тотъ отвѣтилъ: предъ принятіемъ пищи мы просимъ у Бога благословенія, а послѣ принятія благодаримъ его. Услышавши это, говоритъ въ *воспоминанъ* въ послѣдствіи самъ о себѣ Чевалковъ въ своихъ воспоминаніяхъ, я осудилъ свои обычаи и сказалъ: ты, когда хочешь ѣсть, не просишь благословенія Божія и когда наѣшься, не благодаришь Бога, наѣшься и отойдешь, подобно псу; не чтишь Бога, дающаго тебѣ пищу. — Я скорбѣлъ въ душѣ, что таковая вѣра наша „нехороша“. Другой разъ на пчельникѣ, растянувшись на травѣ, дѣти смотрѣли на небо. Чевалковъ неожиданно спросилъ Іакова: что тамъ такое на небѣ?

Іаковъ отвѣтилъ: тамъ Богъ. А какъ его имя? Іисусъ Христосъ. Онъ все создалъ на землѣ и живетъ на небесахъ“.

— „А видитъ ли насъ оттуда этотъ Богъ?“

— „Онъ видитъ и знаетъ все, что мы дѣлаемъ днемъ или ночью. Кто ему молится, тѣхъ онъ любитъ, а кто не молится тѣхъ не любитъ.“

— „А что сдѣлаетъ онъ съ тѣми, которыхъ онъ не любитъ?“

— „Я слышалъ отъ матери, что тѣхъ людей онъ пошлетъ въ огонь и тьму.“

Такіе разговоры глубоко западали въ душу воспріимчиваго и впечатлительнаго мальчика и заставляли его раздумывать, скорбѣть и страдать. При камланіи родителей, въ особенности если въ это время былъ кто-либо изъ русскихъ, Чевалковъ испытывалъ самое мучительное душевное состояніе и стыдъ.

Кипріану поручено своимъ отцомъ пасти коровъ. Постоянное одиночество среди дикой и величественной природы еще болѣе наводило его на мысль о христіанскомъ Богѣ, и дѣтская душа неудержимо рвалась къ нему. Часто взойдя на какой либо камень и обратившись лицомъ къ востоку, онъ кланялся, произнося имя Христа и повторяя: Боже Іисусе Христе, не оставь меня,—возьми къ себѣ“. Насколько вообще были сильны эти первыя дѣтскія религіозныя впечатлѣнія и какъ они впоследствии для этого, проведеншаго многотрудную жизнь человѣка, были дороги, объ этомъ говоритъ онъ въ своемъ завѣщаніи дѣтямъ: „дѣти мои! Теперь и издалека мѣсто это кажется мнѣ прекраснымъ и никогда не изгладится изъ моей памяти“.

Здѣсь же въ Улалѣ одиннадцатилѣтнему Кипріану впервые пришлось увидѣть приснопамятнаго архимандрита Макарія.

Въ своемъ памятномъ завѣщаніи онъ такъ рассказываетъ объ этомъ: въ одинъ день я пришелъ къ товарищу своему Іакову,

сизу у нихъ и вотъ входятъ къ намъ два челоѣка въ черныхъ одеждахъ,—на головахъ шапки съ накрывкой. Я, увидѣвши ихъ, хотѣлъ бѣжать, но одинъ изъ нихъ остановилъ меня, посадилъ возлѣ себя и далъ мнѣ пирожекъ съ красной смородиной. Я сизу и думаю: ѣсть или не ѣсть. Онъ, погладивши меня по головѣ, спросилъ: какъ твое имя? Киприанъ,—отвѣтилъ я. Онъ сказалъ: я тебѣ расскажу одну повѣсть, а ты сиди, да хорошенько слушай. Послѣ этого, положивши мнѣ на плечо руку, онъ сказалъ: въ старыя времена былъ большой камъ Киприанъ; онъ уходилъ на горы, чтобы изучать тамъ бѣсовское ученье и и чернокнижіе. Изучивши все это, онъ могъ дѣлать, что хотѣлъ, но только не могъ бѣсовскими чарами одолѣть одной крещеной дѣвицы, по имени Іустины. Удивляясь этому, онъ спрашивалъ у своихъ главнѣйшихъ бѣсовъ, служившихъ ему: доселѣ вы могли дѣлать все, что хотѣли; какъ же теперь вы не можете одолѣть этой дѣвицы? Слуги его сказали ему: мы боимся Бога ея, такъ что не только къ ней самой, но даже къ дому ея не можетъ подойти. Услыхавши это, камъ пришелъ къ этой дѣвицѣ и спросилъ: въ какого ты Бога вѣруешь? Іустина рассказала ему объ Іисусѣ Христѣ. Послѣ этого камъ Киприанъ крестился и послѣ крещенія сталъ великимъ священникомъ (архіереемъ), Божіею силою совершилъ многія чудеса, а теперь послѣ смерти своей, пребываетъ въ вѣчномъ блаженствѣ, во свѣтѣ Божіемъ.

Я, выслушавши этотъ рассказъ, спросилъ: что ты за челоѣкъ? какъ тебя зовутъ? Онъ, улыбаясь, сказалъ: я священникъ, по имени Макарій,—ты крестись и будешь какъ Божье чадо; некрещенные никогда не войдутъ въ свѣтъ Божій, но съ діаволомъ будутъ, пойдутъ въ тьму и огонь, откуда не выйдутъ никогда! Послѣ этого онъ началъ рассказывать, что будетъ вѣ-

рующимъ въ Бога и что невѣрующимъ. Я, слушая его рассказы, едва могъ удерживаться отъ слезъ.

Свиданіе и бесѣда съ архимандритомъ Макаріемъ имѣли рѣшительный поворотъ на міросозерцаніе Кипріана. Онъ готовъ былъ креститься, но только боялся своихъ родителей.

На 13-мъ году его жизни мать его скончалась и отецъ заблаговременно озаботился высватать ему невѣсту. Періодъ времени отъ смерти матери до женитьбы былъ для Кипріана очень тяжелымъ и онъ провелъ его, по своему собственному выраженію съ плачемъ. Отецъ взвалилъ на него всю работу: онъ и коровъ доилъ и бѣлье мылъ и самъ приготавливалъ всякую пищу. Наконецъ, на высватанной ранѣ невѣстѣ, Кипріанъ женился будучи 16 лѣтъ отъ роду. Вслѣдствіе того, что въ это время многіе изъ Улалинскихъ инородцевъ начали принимать крещеніе, отецъ Кипріана, опасаясь какъ бы и сынъ его не заразился примѣромъ другихъ, поспѣшилъ его отправить вмѣстѣ съ женой къ тестю, на мѣсто прежняго своего жительства, въ Бачатскую волость. Кипріанъ покидалъ Улалу съ крайней неохотой, сожалѣніемъ и раскаяніемъ, думая: зачѣмъ я не крестился? зачѣмъ, не боясь Отца Небеснаго и убоившись отца земнаго, переселяюсь въ Бачать? По пріѣздѣ на новое мѣсто Чевалковы поселились въ заселкѣ Шандѣ, въ 10 верст. отъ с. Бачатскаго. Вскорѣ наступилъ праздникъ „Муколы“ (св. Николая), чтимый даже некрещенными инородцами. Шандинскіе инородцы собрались ѣхать въ церковь въ с. Бачатское. Поѣхалъ съ ними и Чевалковъ, до сего времени еще вовсе не видавшій православныхъ церквей. Чевалкову удалось проникнуть въ церковь и простоять все богослуженіе. Онъ усердно молился съ стоявшими съ нимъ рядомъ некрещенными телеутами, которые, не полагая на себѣ никакого крестнаго знаменія, только все время кланялись въ землю. И Чевалковъ дѣлалъ тоже. Но особенное сильное и не отразимое

впечатлѣніе, произвело на него церковное пѣніе. Это пѣніе, — вспоминаетъ потомъ Чевалковъ, улаждало мое сердце, до слезъ, и придя изъ церкви домой, я говорилъ себѣ: зачѣмъ ты не принявши этой, вѣры гдѣ такое прекрасное пѣніе, переѣхалъ сюда въ Бачатъ? Послѣ этого Чевалковъ началъ томиться и скучать и, наконецъ, отъ душевной муки совсѣмъ заболѣлъ. Во время болѣзни пріѣхалъ изъ Удалы его отецъ, который также порѣшилъ поселиться въ Бачатѣ. Больной Кипріанъ со слезами на глазахъ открылъ ему свое твердое и неотложное желаніе ѣхать въ Улалу креститься. Растроганный отецъ далъ свое согласіе, но теща угрожала отобрать свою дочь, однако не привела намѣренія въ исполненіе. Черезъ недѣлю послѣ пріѣзда отца, семейство Чевалковыхъ вновь выѣхало въ Улалу. Многіе изъ оставшихся родственниковъ, пришедшіе проводить ихъ, плакали о нихъ, какъ о покойникахъ и укоряли Андраша, отца Кипріана: ты, Андрашъ, послушался, молодого сына своего, ѣдешь креститься, — ты теперь намъ не родня.“

Осенью этого же года семейство Чевалковыхъ было крещено въ Улалѣ. Отецъ Кипріана былъ названъ Василіемъ, самъ онъ Михаиломъ, жена его Александрой, три меньшія сестры, Еленой Анной и Маріей; младшій его на 7 лѣтъ братъ Адріанъ, отданный отцомъ въ дѣти дядѣ, былъ крещенъ еще ранѣе и уже отданъ въ обученіе грамотѣ.

Семейство Чевалковыхъ, поселилось на правомъ берегу р. Удалы, а о. Макарій на лѣвомъ, въ домикѣ, который онъ купилъ у Михаила Ащаулова. Братъ Адріанъ ходилъ къ о. Макарію учиться, а Михаилу было обидно и досадно: „младшій братъ научится грамотѣ и будетъ разумѣть слово Божіе, а я буду глупѣе и хуже всѣхъ“. Часто онъ обращался съ молитвой къ Богу: „Боже мой, Іисусе Христе, да будетъ воля твоя; если это мое желаніе учиться угодно Тебѣ, вразуми и научи меня!“

Наконецъ, Чевалковъ рѣшился пойти къ о. Макарію и съ перваго же раза обласканный имъ и упоенный его бесѣдами началъ ходить слушать его каждый вечеръ, „подобно пчелѣ, нашедшей готовый медъ“. Но не за одними бесѣдами ходилъ Чевалковъ къ о. Макарію, — онъ жаждалъ ученья, и наконецъ, достигъ того, что келейные о. Макарія согласились обучать его грамотѣ вмѣстѣ съ братомъ Адріаномъ. Но не долго пришлось поучиться Михаилу Васильевичу. Отецъ замѣтилъ его частыя отлучки, и узналъ, куда онъ ходилъ, и запретилъ: грамотѣ учатся лѣнивцы, тебѣ лѣнь работать, — довольно, если и одинъ братъ твой учится, мнѣ и такъ люди говорятъ: „ты сына своего учишь лѣниться — вотъ онъ ходитъ къ абызу учиться грамотѣ“. Итакъ, Чевалковъ лишенъ былъ возможности ходить учиться къ абызу. Но тутъ на подмогу пришелъ Адріанъ. Онъ по просьбѣ брата являлся къ нимъ послѣ уроковъ въ домъ съ букваремъ и обучалъ его. Но когда Михаилъ заглядывалъ къ брату въ букварь и слѣдилъ глазами за его чтеніемъ, отецъ строго кричалъ на него: что ты сидишь? работы не работаешь, а только портишь глаза! Поэтому, Михаилъ долженъ былъ и работать и слушать чтеніе. „Какъ изучаютъ пѣсни, такъ и я слухомъ изучалъ азбуку“. Но когда отца не было дома, Михаилъ просматривалъ слова, узнавалъ ихъ, а о другихъ спрашивалъ разъясненія брата.

Вскорѣ неожиданная радость выпала на долю Чевалкова: ему удалось заполучить въ свою собственность букварь отъ самого о. Макарія. Дѣло было такъ. Михаилу пришлось везти о. Макарія въ Майму. Подавъ лошадей, онъ заходитъ за поклажей и видитъ, что о. Макарій „связываетъ въ кучу“ буквари. Чевалковъ сталъ просить дать ему одинъ букварь. — „Ты же человѣкъ женатый и семейный, — возразилъ о. Макарій, когда же тебѣ научиться грамотѣ?“

„Если Богъ вразумить, научусь“.

о. Макарій взялъ одинъ букварь и сказалъ: если прочитаешь изъ этого букваря три слова, отдамъ тебѣ. Чевалковъ, хотя съ трудомъ, но прочиталъ.

— „Кто тебя училъ,—спросилъ о. Макарій.“

— „Никто не училъ. *Я самъ научился*; когда Адрианъ читалъ букварь, я прислушивался и заучивалъ“.

— Не говори, что самъ научился: если Богъ не поможетъ, то человекъ самъ ничего не можетъ сдѣлать и ничему не можетъ научиться. Если Богу угодно, что хочешь дѣлать, онъ непременно тебѣ поможетъ, а не думай въ сердцѣ своемъ: „я самъ это сдѣлалъ.—Если ты такъ подумаешь, то діаволь расхититъ сѣмѣна твоего добраго дѣла, подобно птицѣ, уносящей сѣмена пшеницы. Послѣ такого наставленія о. Макарій благословилъ Чевалкову букварь. Возвратившись домой, Чевалковъ спряталъ букварь подъ сарай, а отправляясь на работу, всегда бралъ букварь съ собой. Если замѣчалъ, что кто либо ѣдетъ по дорогѣ, заблаговременно пряталъ букварь за пазуху. Не умѣя самостоятельно разобрать нѣкоторыхъ словъ, Чевалковъ обращался за разъясненіями или къ брату или къ келейнымъ о. Макарія.

О. Макарій слѣдилъ, какъ идетъ обученіе грамотѣ Чевалкова и замѣтивъ, что оно идетъ успѣшно, подарилъ ему Ветхій Завѣтъ. Когда Чевалковъ пришелъ домой, отецъ спросилъ его, гдѣ ты былъ? Чевалковъ показалъ ему книгу, данную о. Макаріемъ и сказалъ: я ходилъ къ о. Макарію, онъ далъ мнѣ эту книгу и велѣлъ учиться. Отецъ заставилъ его почитать, а потомъ прослушавши, сказалъ: ужъ если настолько знаешь, то пожалуй, на свободѣ учись. „Отъ этихъ словъ,—говоритъ о себѣ Чевалковъ, свѣтло и радостно стало у меня на душѣ, подобно тому, какъ въ темную ночь освѣтитъ огонь или въ пасмурный день покажется солнце“.

Получивши разрѣшеніе отца, Чевалковъ еще съ большей охотой началъ бѣгать къ келейнымъ о. Макарія, но послѣдніе были заняты какой то работой и Чевалковъ, послѣ напрасныхъ томительныхъ выжиданій долженъ былъ возвратиться домой. — а одинъ вдовый свящ. Василій, жившій при о. Макаріѣ, не разъ даже прикрикивалъ на Чевалкова и гонялъ его: что у тебя дома дѣлать что ли, что шатаешься сюда? Но послѣ огорченій пришлось вскорѣ получить и утѣшеніе. О. Макарій, призвавъ его къ себѣ, далъ ему евангеліе и сдѣлалъ наставленіе: въ этой книгѣ написано житіе самого Бога и Его ученіе, а также дѣла и ученіе учениковъ Его. Ты каждый день читай отсюда по одной главѣ. Если будешь читать съ вѣрою, подобенъ будешь слышавшему слово изъ устъ самого Бога. „Какъ будто нашедши самоцвѣтный камень“, съ великою радостью и легкостью на душѣ, пришелъ Чевалковъ домой и показалъ книгу отцу. Отецъ замѣтилъ: если у тебя есть смыслъ разумѣть слово Божіе, то по этой книгѣ ты будешь учить другихъ, а если нѣтъ, то она напрасно будетъ валяться въ домѣ“.

Случайно, въ присутствіи о. Макарія Чевалковъ обнаружилъ способности умѣлаго переводчика и участь его съ того времени была рѣшена. Чевалковъ пришелъ однажды къ о. Макарію въ то время, когда онъ переводилъ житіе Іосифа, при помощи двухъ инородцевъ Осипа Каурчакова и Павла Сурочанова. Всѣ трое общими усиліями они не могли подобрать Алтайскаго слова для слова „ибо“. — Чевалковъ же, спрошенный о. Макаріемъ, указалъ соотвѣтствующее слово „тезе“. О. Макарій былъ очень обрадованъ. „Будемъ на радостяхъ чай пить, долго необрѣтаемое слово, наконецъ, нашлось!“ Послѣ этого о. Макарій началъ приглашать къ себѣ для переводовъ Чевалкова и они вмѣстѣ перевели житіе св. Іосифа. По окончаніи перевода, о. Макарій благословилъ Чевалкова чиноу св. Митрофана и

сказалъ: теперь ты будешь моимъ толмачемъ для перевода слова Божія“. О. Макарій упросилъ отца Чевалкова, что бы тотъ уступилъ ему на служеніе сына; сначала отецъ долго отказывался, предлагая вмѣсто Михаила, младшаго сына своего Адріана однако наконецъ, уступилъ. Впрочемъ, Михаилъ Чевалковъ въ скоромъ времени избавился изъ подъ зависимости отца. Отецъ, не смотря на данное слово о. Макарію, былъ все таки недоволенъ, что сынъ его постоянно ходитъ къ нему и плохо работаетъ и потому рѣшилъ „выдѣлить его отъ себя“. Это было сдѣлано совершенно неожиданно для сына. Характерный разговоръ, записанный самимъ Чевалковымъ, происходилъ по этому поводу между отцомъ и сыномъ:

— „Куда это ты собрался ѣхать? спрашиваетъ отецъ, увидѣвъ одѣтаго сына.

— „Въ лѣсъ, дрова рубить“.

— „Если хочешь рубить, такъ руби *себя*“.

— „Кому же какъ не *себѣ*, развѣ людямъ рубить“?

— „Вѣдь я приказалъ тебѣ *для себя* рубить. „А ты развѣ думаешь, что я велю рубить для людей? У тебя все „абызъ“ на умѣ—ты къ нему постоянно ходишь, а дѣла хорошенько не дѣлаешь,—теперь отходи отъ меня и живи *особо*“.

— „У меня нѣтъ ни хлѣба, ни дома“.

— „Ты молодой человѣкъ,—самъ найдешь себѣ хлѣба и выстроишь домъ“, „а если не сможешь, то выстроить тебѣ *абызъ*“. Сегодня же, пойдѣ и ищи себѣ мѣсто.

— Если ты мнѣ ничего не дашь, какъ же я буду жить?

— Я женилъ тебя, уплатилъ калымъ за жену, чего же я тебѣ еще дамъ?

— Уходи въ той одеждѣ, въ которой сидишь.

— „Дай мнѣ, по крайней мѣрѣ, чашку да ложку“.

Отець сказаль: „ничего не дамъ“, и, отдавая шубу, прибавиль; „кромѣ этого ничего тебѣ не достанется“. Сынъ, возвращая шубу отцу сказаль: эта шуба не будетъ для меня ни хлѣбомъ, ни домомъ, возми ее назадъ, вмѣсто этого дай только свое благословеніе. Отець прослезился, всталъ и благословиль сына образомъ Спасителя, но дать все таки ничего не далъ.

Чевалковъ, по уходѣ отъ отца, помѣстился въ амбарѣ своего свояка А. Пояркина и четыре дня не показывался оттуда съ своимъ горемъ. На пятый день позвалъ его къ себѣ о. Макарій.

Узнавъ отъ Чевалкова, что отецъ его прогналь и ничего ему не далъ, о. Макарій сказаль: слава Богу, если родной отецъ тебѣ ничего не далъ, то дастъ Отець Небесный. О. Макарій въ тотъ же день велѣль выдать ему 4 пуда муки, а на завтра далъ 10 руб. купить чашекъ, ложекъ и другой посуды; на третій день далъ топоръ, потомъ купиль лошадь;—а черезъ мѣсяць домъ, амбары и дворы. Скоро о. Макарій покинулъ миссію навсегда и уѣхаль въ Россію, трогательно и со слезами простившись съ своими сподвижниками, въ томъ числѣ и съ Чевалковымъ. Чевалковъ 5 лѣтъ служиль толмачемъ при о. Макаріѣ; за это время они переводили молитвы и нѣкоторыя мѣста изъ евангелія. Занимаясь переводами съ своимъ толмачемъ, о. Макарій съ любовію заботился и о религіозно-нравственномъ его развитіи. Онъ неустанно училь его вѣрѣ и добродѣтели, былъ его духовнымъ пѣстуномъ. При всякомъ удобномъ случаѣ о. Макарій дѣлалъ Чевалкову отеческія наставленія и правоученія: о сердечной и умной молитвѣ, о смиреніи, о незлобіи, о терпѣливомъ перенесеніи скорбей, и обидъ, о преданности волѣ Божіей. До конца жизни своей помнилъ Чевалковъ, какъ училь его о. Макарій: кто терпитъ горькое, тотъ найдетъ сладкое, кто плачетъ, тотъ будетъ радоваться; не испытавши горькаго, не поѣшь и сладкаго, не испытавши холода, не одѣнешься въ теп-

лое, поплачешь вечеромъ, будешь радоваться утромъ“. Съ какимъ вниманіемъ относился Чевалковъ къ этимъ наставленіямъ, какъ близко принималъ ихъ къ душѣ и какъ высоко цѣнилъ ихъ и съ какою благодарностью относился за это къ наставнику, объ этомъ онъ свидѣтельствуется самъ. „Да даруетъ Господь блаженство и свѣтъ о. Макарію, чрезъ котораго я сподобился такого блага и счастья, ибо я подобно птицѣ, собирающей зерна по наставленію его, сталъ проводить дни въ радости. Иногда же въ моемъ сердцѣ начинали забываться благодѣянія Божіи, тогда я подобно птицѣ, у которой истощились зерна, собранныя ею въ пищу себѣ, опять приходилъ къ о. Макарію и онъ опять насыщалъ, услаждалъ и согрѣвалъ меня словами Божіими. Такъ я въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ ходилъ къ о. Макарію подобно пчелѣ, нашедшей для себя готовый медъ. Иногда, когда я дѣлалъ что-либо противное Богу, онъ заставлялъ меня плакать, ставя на колѣни, дабы молиться Богу. Да даруетъ ему Господь Богъ свѣтъ и блаженство! Не худому онъ училъ меня, но только доброму и полезному для души моей. И это нравственное руководство опытнаго въ духовной жизни мужа на впечатлительномъ и съ младенчески чистой душой инородцѣ отразилось самымъ благотворительнымъ образомъ. Мы видимъ, его въ продолженіи всей жизни человѣкомъ съ мягкимъ добрымъ, вѣжнымъ сердцемъ, всепрощающимъ въ перенесеніи обидъ, терпѣливымъ и безропотнымъ при постигавшихъ его ударахъ и превратностяхъ судьбы. Приведенный уже случай объ изгнаніи Чевалкова изъ родительскаго дома можетъ служить нагляднымъ тому примѣромъ. Жестокій и несправедливый поступокъ отца всякаго другого могъ бы вызвать на ссору и озлобленія, но Чевалковъ выгоняющаго его изъ дома въ томъ, „въ чемъ онъ есть“ отца, со слезами просить дать только одно родительское благословеніе. И безсердечный отецъ былъ растроганъ и побѣж-

день любовью, незлобіемъ и смиреніемъ своего сына. Такими же чувствами руководствовался Чевалковъ и въ отношеніи къ другимъ людямъ, въ особенности старшимъ себя по возрасту, относясь къ нимъ съ наибольшей благожелательностью и почтительностью; для этого, кромѣ общаго склада характера Чевалкова, были еще и свои особыя причины. Въ своихъ воспоминаніяхъ, изъ того времени, когда онъ былъ уже миссіонеромъ, онъ рассказываетъ: „Однажды я пріѣхалъ въ Чопошъ. Обучая тамошнихъ жителей, одному старцу за вину его я сдѣлалъ выговоръ. Когда старецъ возвратился домой, я легъ на полъ, чтобы немножко отдохнуть. Немного вздремнувши вижу, какой-то человекъ, вставши подлѣ меня сказалъ: ты человекъ молодой, зачѣмъ бранишь и укоряешь старшаго себя? Теперь ты съ этихъ поръ старшимъ себя такъ не говори. Сказавши это, сталъ невидимъ. Я тотчасъ поднялся съ того мѣста, гдѣ лежалъ, осмотрѣлъ избу со всѣхъ сторонъ и никого не найдя, тотчасъ вышелъ на улицу, но и тамъ никого не было. Я удивился и когда вошелъ въ домъ, пришелъ Чопошскій миссіонеръ о. Макарій, я рассказалъ ему о случившемся. Онъ принесъ мнѣ посланіе св. апостола Павла и заставилъ прочитать одно мѣсто. Тамъ было написано: старшаго себя не укоряй и не злословь. Съ тѣхъ поръ это не выходитъ изъ моей памяти“; что касается превратностей судьбы, или вѣрнѣе переменъ жизни отъ лучшаго къ худшему и наоборотъ, то въ этомъ отношеніи слова перваго его наставника: не испытавши горькаго, не поѣшь и сладкаго, поплачешь вечеромъ, будешь радоваться утромъ, были въ приложеніи къ Чевалкову въ его многмятежной жизни пророческими, но въ то же время служили для него и руководственнымъ правиломъ. Онъ всегда терпѣливо переносилъ горе и непріятности, возлагая надежды на Бога и на лучшее будущее, не ропталъ и не любилъ, если и семейные и домашніе его роптали. Когда по отъѣздѣ въ

С.-Петербургъ начальника миссіи архим. Владиміра и миссіонера іером. о. Макарія, Чевалкову долго не выдавали денегъ изъ миссіи, ему становилось нечего ѣсть. Жена Чевалкова каждый день укоряла его: вотъ ты неотлучно жилъ съ священниками, не имѣя себѣ покою, а теперь умрешь съ голоду; не грѣхъ ли тебѣ будетъ, что ты заставишь дѣтей своихъ голодать и плакать? *Такой ежедневный ропотъ ея, прибавляетъ съ своей стороны Чевалковъ—былъ для меня прискорбнѣе голода.*“

Приближалась пасха; жена еще болѣе начала роптать, вотъ три дня осталось до пасхи,—скажи мнѣ: радоваться ты будешь въ пасху или плакать. Люди въ пасху радуются и веселятся, а мы съ дѣтьми будемъ скорбѣть и нуждаться. Но Чевалковъ былъ твердъ и на всѣ роптанія жены отвѣчалъ словами о. архим. Макарія, которыя постоянно носилъ въ сердцѣ своемъ: „кто плачетъ, тотъ будетъ послѣ радоваться и веселиться“. Таковъ былъ нравственный обликъ Михаила Васильевича Чевалкова. Онъ ярко вылился въ слѣдующемъ краткомъ завѣщаніи его своимъ дѣтямъ. „Дѣти мои, когда желаете оправдать праваго, молитесь Богу, просите Его помощи, ибо онъ судія праведный и сами не подвергнетесь неправедному осужденію. Молитесь судіи, праведному Богу и онъ оправдаетъ васъ. Не мыслите зла чловѣку обвинившему васъ. Не обижайтесь, если придется быть неправедно обвиненными. Блаженны вы будете на томъ свѣтѣ. Если здѣсь на землѣ претерпите скорбь, то получите на небесахъ блаженное воздаяніе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ив. Новиковъ.

Алтайскій миссіонеръ,

протоіерей Михаилъ Васильевичъ Чевалковъ.

(Продолженіе).

По отъѣздѣ о. Макарія, Чевалковъ нѣкоторое время не исполнялъ обязанностей толмача, потомучто новый начальникъ миссіи, протоіерей Стефанъ Ландышевъ почему-то пока не приглашалъ его. Чевалковъ въ это время усердно занимался хозяйствомъ и въ особенности пашней. Ровныя мѣста были выпажаны и ему приходилось пахать на косогорахъ, что представляло чрезвычайныя трудности и значительно замедляло запашку. Чевалковъ долго раздумывалъ надъ тѣмъ, какъ бы избѣжать подобнаго затрудненія и изобресть такую соху, чтобы ей можно было удобно и легко пахать на косогорахъ и, наконецъ, достигъ желанныхъ результатовъ. Новоустроенная имъ соха оказалась весьма пригодною; отваливая пласты земли въ одну сторону

подъ косогоръ, она могла двигаться взадъ и впередъ по одной бороздѣ. Въ то же время Чевалковъ обучился кузнечному, плотничному и столярному мастерству, выдѣлкѣ кожъ, поставилъ мельницу, которая работала хорошо, научился также прививать оспу. „Всѣ эти ремесла хотя и были для меня полезными, говоритъ Чевалковъ, но не могли сдѣлать меня богатымъ, потому что мысли мои двоились“. Во время этого двоенія мыслей Чевалковъ получилъ предложеніе отъ о. Стефана снова быть у него толмачемъ, съ платою по 40 руб. въ годъ. Не рѣшался, было, сначала, Чевалковъ идти служить на такое незначительное по его семьѣ жалованье, но обнадеженный обѣщаніемъ ежегодной прибавки, согласился. Чевалковъ не только помогаль о. Стефану въ переводахъ, но и несъ на себѣ обязанности катихизатора; каждаго приходящаго креститься онъ училъ по алтайски молитвамъ и св. вѣрѣ, иногда же кто либо изъ миссіонеровъ говорилъ по русски, а Чевалковъ переводилъ по Алтайски.

Съ малыхъ лѣтъ всей душой стремясь къ грамотности и самообразованію, Чевалковъ и въ дѣтяхъ своихъ желалъ видѣть тоже и потому первый изъ Улалинскихъ жителей отдалъ всѣхъ своихъ дочерей въ обученіе учительницѣ Евдокіи Васильевнѣ. *) Остальнымъ Улалинскимъ жителямъ на первый разъ это показалось страннымъ и непонятнымъ „Чевалковъ отдалъ—начали смѣяться они, своихъ дочерей въ ученье, что бы сдѣлать ихъ писарями, теперь онѣ будутъ у насъ писарями въ Быстринской волости и Кокшинской. Другіе говорили: какая польза женщинѣ учиться грамотѣ? Нѣтъ такого и обычая, чтобы женщины учились грамотѣ; ты учи ихъ лучше рукодѣльямъ, а то кто ихъ возметъ? Даже жена, смущаемая этими толками, начала упрекать Чевалкова. Но онъ, успокоивая ее, говорилъ: и женщины и мужчины—всѣ Божіе созданіе; всѣмъ нужно знать Законъ Божій; если мы оставимъ

*) Въ монашествѣ Елена, въ схимѣ Евдокія.

свое намѣреніе, боясь людскихъ насмѣшекъ, то діаволь будетъ смѣяться надъ нами; тѣ, которые смѣются, будутъ плакать“. И надежды Чевалкова вполнѣ оправдались. Когда учительница и о. Стефанъ начали всенародно хвалить дочерей Чевалкова за усердное обученіе грамотѣ, тогда и другіе, даже и тѣ, которыя смѣялись, начали отдавать въ обученіе своихъ дѣтей. На ряду съ обученіемъ грамотѣ, Чевалковъ началъ обучать своихъ дочерей и сестеръ и пѣнію изъ лепты. Каждый вечеръ,—въ лѣтнее время всѣ поющіе собирались на крыльцѣ Чевалковскаго дома и самъ Чевалковъ подыгрывалъ имъ на кларнетѣ. Нѣкоторымъ некрещенымъ сосѣдямъ Чевалкова это ежедневное пѣніе не особенно нравилось. Однажды Павелъ Тюдюнековъ, подойдя къ поющимъ,—съ грубой насмѣшкой сказалъ: отецъ, что-ли умеръ у васъ, или мать умерла, что вы каждый день по вечерамъ воете? „И слушать-то нехорошо“. На это Чевалковъ отвѣтилъ ему: если тебѣ слушать не нравится, то ты здѣсь въ нашемъ мѣстѣ и не живи, а живи въ своемъ Алтаѣ. Мы въ своемъ мѣстѣ пѣніемъ хвалимъ Бога. Но крещеныхъ инородцевъ пѣніе привлекало, и по вечерамъ, по окончаніи работъ, они собирались къ дому Чевалкова не только послушать пѣніе, но и поучиться; тутъ же Чевалковъ рассказывалъ собиравшимся житія святыхъ; однимъ на Алтайскомъ, другимъ на русскомъ языкѣ. Обучая инородцевъ пѣнію и производя съ ними бесѣды, Чевалковъ скорбѣлъ, что нѣтъ въ миссіи людей, которые бы хорошо были знакомы и съ усердіемъ занялись бы обученіемъ народа пѣнію, а также и книги могли бы переводить на Алтайскій языкъ,—а то крещеные инородцы, не зная славянской службы, стоя въ церкви, только дремлютъ, а потому и въ церковь лѣнятся ходить“. Но такой человекъ скоро въ миссію явился. То былъ новый сотрудникъ миссіи Михаилъ Андреевичъ Н. Чевалковъ первый разъ увидѣлъ его въ церкви

читающимъ на клиросѣ и спросилъ у бывшихъ тутъ: кто такой этотъ чтецъ? Получивъ отвѣтъ, онъ порѣшилъ: непременно познакомлюсь съ нимъ: онъ, навѣрно, мнѣ поможетъ. И вотъ, когда однажды Михаилъ Андреевичъ проходилъ мимо дома Чевалкова, гдѣ въ это время происходило пѣніе, Чевалковъ пригласилъ Михаила Андреевича зайти и принять участіе въ руководствѣ пѣніемъ. Михаилъ Андреевичъ охотно согласился и съ тѣхъ поръ неустанно занимался обученіемъ пѣнію собиравшихся у Чевалкова, а послѣ пѣнія обыкновенно читалъ имъ что-либо изъ св. писанія. Сначала исключительно изучалась „Лепта“; но когда всѣ участники достаточно навыкли въ ней, Михаилъ Андреевичъ предложилъ Чевалкову изучать церковныя пѣснопѣнія. Это какъ нельзя болѣе отвѣчало самымъ искреннимъ желаніямъ Чевалкова и онъ, обрадованный, говорилъ: мнѣ и самому давно хотѣлось учить своихъ дѣтей церковному пѣнію, но хорошо не умѣю пѣть, поучите ужъ Вы ихъ, Михаилъ Андреевичъ. Скоро дѣти и сестры Чевалкова обучились и церковному пѣнію. Тогда Михаилъ Андреевичъ сказалъ: „теперь они могутъ пѣть въ церкви. Я попрошу о. Стефана, чтобы онъ благословилъ ихъ пѣть“. Чевалковъ возразилъ: прилично ли женщинамъ пѣть въ церкви? Михаилъ Андреевичъ отвѣтилъ: „Бога должны прославлять пѣніемъ всѣ—и мужчины и женщины“. О. Стефанъ далъ благословеніе. Услышавши пѣніе обученныхъ трудами Чевалкова и Михаила Андреевича дѣвицъ, отцы и матери, прежде смѣявшіеся надъ затѣей Чевалкова, теперь какъ бы устыдились, что дѣти ихъ ничего не знаютъ и начали отдавать своихъ дѣтей учиться. Къ тѣмъ, которые почему либо еще не рѣшались отдавать своихъ дѣтей, Чевалковъ ходилъ самъ и убѣждалъ ихъ и убѣжденія его обыкновенно достигали цѣли. Бывало, и сами дѣти, встрѣчаясь съ Чевалковымъ, говорили ему! Намъ хочется учиться, да родители не пускаютъ,—ты попроси у нихъ за

насъ“ и Чевалковъ ходилъ и выпрашивалъ. Число учащихся въ школѣ быстро возрастало. Въ школу же, гдѣ жилъ Михаилъ Андреевичъ, почти ежедневно собирался народъ въ большомъ количествѣ для пѣнія и слушанія бесѣдъ. „До этого, — говоритъ Чевалковъ, — новокрещенные не знали ни ученья о Богѣ, ни житій святыхъ; Михаилъ Андреевичъ училъ усердно и новокрещенные, доселѣ какъ бы спавшіе, пробудились“. Михаилъ Андреевичъ пріѣхалъ въ миссію не знавшимъ Алтайскаго языка, но усердно занявшись его изученіемъ, отчасти при помощи Чевалкова, чрезъ два года усвоилъ настолько, что могъ свободно располагать имъ. Вмѣстѣ съ Чевалковымъ они занимались переводами священныхъ книгъ — перевели также и литургію. Чрезъ 6 лѣтъ по пріѣздѣ въ миссію, Михаилъ Андреевичъ принялъ монашество, съ именемъ Макарія.

Прослуживъ у о. Стефана толмачемъ 4 года, Чевалковъ отказался отъ должности, за недостаткомъ получаемаго имъ жалованья и жилъ въ такомъ положеніи въ продолженіи трехъ лѣтъ. За это время Чевалковъ занялся торговлей и рыбнымъ промысломъ, уѣзжая для этой цѣли изъ дому на болѣе или менѣе продолжительное время, а возвращаясь домой, исправлялъ свое хозяйство. Но, и не состоя оѣфициально толмачемъ, Чевалковъ и за этотъ періодъ своей жизни и во время своихъ поѣздокъ и дома не оставлялъ излюбленнаго имъ миссіонерскаго дѣла. Въ свободные дни онъ переводилъ изъ священнаго писанія на Алтайскій языкъ и многіе приходили и слушали его. Въ своихъ торговыхъ поѣздкахъ онъ также при всякомъ удобномъ случаѣ бесѣдовалъ съ инородцами и обучалъ ихъ истинамъ христіанскаго вѣроученія. Благодаря его наставленіямъ въ бытность его на Телецкомъ озерѣ, принялъ крещеніе 90 лѣтній старецъ Тадужекъ и инородецъ Тибанъ, вмѣстѣ съ которымъ крестились 9 человекъ. Чевалковъ все-таки былъ весьма для миссіи человекъ нужный потому и

самъ Епархіальный Преосвященный Порфирій, бывшій въ миссіи, лично пригласилъ Чевалкова для отправленія должности толмача. „Почему ты не служишь въ миссіи толмачемъ?“ спросилъ Преосвященный. Платы, которую я получалъ, — отвѣтилъ Чевалковъ, не доставало на хлѣбъ и одежду намъ двоимъ съ тремя дѣтьми. „Сколько же ты получалъ? Пятьдесятъ рублей, — отвѣчалъ Чевалковъ. Конечно, этого мало — сказалъ Преосвященный о. Стефану, надо прибавить и спросилъ: а если прибавить тебѣ 70 р., довольно будетъ? Чевалковъ изъявилъ свое согласіе. На первое время съ іеромонахомъ Макаріемъ онъ опять усиленно переводилъ книги на Алтайскій языкъ.

Въ это же время было положено въ миссіи начало женской общинѣ. Прежде всего дочери Чевалкова начали настойчиво говорить отцу: мы замужъ не пойдёмъ и до смерти будемъ служить Богу; если бы гдѣ былъ монастырь, мы бы ушли туда. Такое же желаніе заявили и другія дѣвицы, — всѣхъ числомъ 11, — всѣ грамотныя. Чевалковъ пытался убѣждать ихъ: вы, не выдавши монастыря, думаете, тамъ легко жить; впередъ испытайте себя, можете ли вы перенести? За среднюю дочь Чевалкова сватался одинъ богатый человѣкъ изъ Бачата и отецъ совѣтовалъ, но та рѣшительно заявляла: „не пойду, какой бы богатый человѣкъ ни сваталъ, а пойду въ монастырь и тамъ буду жить до смерти“. Тогда Чевалковъ передалъ о. Макарію о желаніи дѣвиць, столь часто и настойчиво ими заявляемомъ. О. Макарій сказалъ: пусть они напередъ испытаютъ себя и молятся Богу. Послѣ этого о. Макарій каждый день училъ ихъ читать утреннее и вечернее правило и у нихъ съ каждымъ днемъ усиливалось желаніе молиться Богу; для совершенія правила они собирались въ Чевалковскомъ домѣ. Но такъ какъ у него была всего одна комната и было очень тѣсно, то онъ купилъ для молитвенныхъ собраній особую избу, намѣреваясь поставить ее

на устье Улалы, при впадении ея въ Майму, потому что тамъ удобно было завести и огородъ. Въ это самое время пріѣхалъ въ миссію Мальковъ. Извѣстившись, что въ миссіи есть желающія поступить въ женскую общину, онъ взялся хлопотать объ открытіи этой общины. Приготовлено было надлежащее ходатайство, которое Мальковъ и увезъ съ собой. Скоро было получено извѣщеніе, что открытіе общины разрѣшено и что ей дана будетъ земля. Чевалковъ началъ ставить перевезенную имъ избу для будущихъ насельницъ общины. Но Улалинцы не дозволяли и, вообще, были крайне недовольны Чевалковымъ. Откуда ты такіе законы выдумываешь? Развѣ хочешь здѣсь монастырь устроить и выжить насъ съ этого мѣста? отнять нашу землю и сдѣлать насъ монастырскими служителями? Зачѣмъ ты перевезъ туда избу? Чевалковъ успокоилъ ихъ, что возьмутъ не ихъ землю, а ту, которая за ихъ землей. Послѣ этого Чевалковъ все таки началъ ставить избу, но одинъ, безъ помощниковъ, могъ довести ее только до половъ. Хотѣлъ онъ нанять себѣ кого-либо въ помощники, но никто не шелъ, потому что общество постановило наказать розгами того, кто возмется поставить Чевалковскій домъ. Полтора мѣсяца стояла Чевалковская изба недостроенной, но счастливый и совершенно неожиданный случай помогъ ему. Въ Улалу пріѣхалъ межевщикъ дѣлить земли между Маймой и Улалой. Межевщикъ предложилъ Улалинскому обществу избрать изъ своей среды особаго довѣреннаго, грамотнаго, неопороченнаго и надежнаго, который могъ бы указывать грани села. Улалинцы долго искали такого человѣка, не могли найти, и наконецъ, вынуждены были обратиться съ просьбой къ Чевалкову. Чевалковъ отвѣтилъ: „я много служилъ обществу, довольно съ меня этой истомы, — никто изъ васъ не служилъ столько для общества.“ Общественники сказали: „мы знаемъ, что ты много служилъ для общества; если у тебя есть какая-либо работа, мы

ее заработаемъ обществомъ, а если не вѣришь, то дадимъ подписку; тогда Чевалковъ воспользовался случаемъ и сказалъ: „мнѣ нужно поставить избу, которую я поднялъ только до половъ“. Представители общества тотъ часъ же дали согласіе“: въ одинъ день поставимъ и земли на верхъ набросаемъ. „И дѣйствительно общество исполнило свое обѣщаніе, а Чевалковъ оказалъ общественникамъ услугу у межевщика. По поводу всего происшедшаго Чевалковъ разсуждалъ: „вѣрно, этотъ домъ угоденъ Божіей Матери, ибо общество прежде запретило даже наниматься строить его, а теперь, по милости Матери Божіей, сердце людей смягчилось и вотъ они сами поставили домъ. Да будетъ воля Божія“. По прошествіи недѣли, изъ деревни Устюбы пріѣхалъ крестьянинъ Пихтовниковъ и покрылъ домъ тесомъ въ течение недѣли. Домъ скоро былъ готовъ къ жилью и дѣвицы поселились тамъ. Но жить въ пустынномъ мѣстѣ, въ особенности, проводить ночи онѣ боялись и потому упросили Чевалкова, чтобы онъ поставилъ рядомъ для себя новую избу и жилъ подлѣ нихъ. И Чевалковъ перекочевалъ туда. Дѣвицы каждый день исполняли утреннія и вечернія молитвенныя правила; одна изъ дочерей Чевалкова заправляла молитвеннымъ правиломъ; нѣкоторыя изъ дѣвицъ, по окончаніи молитвы, отправлялись ночевать домой,—и на слѣдующій день опять приходили. Вскорѣ изъ Россіи пріѣхала монахиня Анастасія, она стала руководить молитвеннымъ правиломъ.

Въ то же время пріѣхалъ и межевщикъ отводить монастырю землю. Улалинцы возмутились и на общественномъ сходѣ начали бранить Чевалкова, что онъ на зло обществу хочетъ отрѣзать монастырю землю: „не вашу землю будутъ брать,—успокоивалъ ихъ Чевалковъ; „въ бумагѣ сказано: отрѣзать свободную землю“, но общественники кричали, бранились и готовы были побить Чевалкова. Черезъ нѣкоторое время межевщикъ послалъ за Че-

валковымъ. У квартиры межевщика толпились общественники. Увидавъ Чевалкова, они начали упрашивать его быть ихъ до-
вѣреннымъ по нарѣзкѣ земли монастырю. Пошли къ межевщи-
ку спрашивать его дозволенія; межевщикъ добродушно замѣтилъ:
они „сами не знаютъ, что дѣлаютъ; ссорятся съ тобой изъ за
нарѣза земли монастырю, а сами же назначаютъ тебя до-
вѣреннымъ по нарѣзкѣ. Это Богъ имъ вложилъ такую мысль. Ты
довѣренный отъ монастыря, что бы принимать землю. Какъ же
они хотятъ сдѣлать тебя своимъ до-
вѣреннымъ. Но ты не скорби:
Богъ поможетъ“, и дѣйствительно, дѣло кончилось благопо-
лучно.

Въ 1861 года о. Макарій уѣхалъ въ Россію. За отъѣздомъ
его выдача жалованья Чевалкову была прекращена и онъ на-
чалъ терпѣть лишенія; къ великому празднику Пасхи не осталось
никакихъ запасовъ и приходилось голодать,—а жена постоян-
но укоряла Чевалкова, что „вотъ до чего довела его дружба со
священниками—перемрутъ дѣти съ голоду“. Но Чевалковъ не
падалъ духомъ и не терялъ надежды на помощь, и надежда
его не обманула. За два дня до Пасхи съ печалью на душѣ,
разсказываетъ онъ,—смотрю въ окно; въ это время одинъ сѣдо-
бородый старецъ подѣхалъ къ нашимъ воротамъ и сталъ вы-
ходить изъ саней. Я вышелъ къ нему и поздоровался, а онъ
сказалъ: я тебѣ привезъ пшеничной муки, куда высыпать? Я
спросилъ: кто мнѣ послалъ муку? Онъ отвѣтилъ: я привезъ вамъ
свою муку. Я спросилъ: ты продаешь муку,—почемъ? Онъ от-
вѣтилъ: по 70 копѣекъ. Я сказалъ: ты, должно быть, озябъ—,
зайдемъ въ избу. Онъ зашелъ въ домъ и сѣлъ около дверей.
Я сказалъ: пей съ нами чай. Онъ отвѣтилъ: я чай не пью.
Пока мы пили чай,—все молчали. Посидѣвши такъ, онъ ска-
залъ: куда муку высыпать? Пойдемъ, высыпемъ. „Я сказалъ: у
меня денегъ нѣтъ,—что я тебѣ дамъ? Онъ отвѣтилъ: я денегъ

и не прошу; послѣ, какъ пріѣду, возьму. Свѣсили муку и ссыпали; оказалось 17 пудовъ. Я сказалъ: зайди въ избу, погрѣйся; тамъ вдвоемъ и поговоримъ съ тобой. Я зашелъ въ избу, сѣлъ у окна и смотрю: онъ сѣлъ въ сани и отправился домой. Я побѣжалъ за нимъ, догналъ и спросилъ: какъ тебя зовутъ? Онъ сказалъ: „Ярасимъ“ (Герасимъ); — больше ничего не сказалъ и поспѣшилъ уѣхать. Я остался, удивляясь этому. Послѣ этого онъ за деньгами не пріѣзжалъ. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ и я не забываю случившагося и дивлюсь этому“.

Наканунѣ Пасхи сосѣдъ Александръ Степановичъ Кониинъ принесъ Чевалкову говядины больше пуда и все семейство провело Пасху въ радости и веселіи. Послѣ этого засѣдатель Борисовъ снялъ у Чевалкова квартиру за 8 руб. въ мѣсяць и Чевалковъ пока пересталъ нуждаться, а потомъ получилъ и еще утѣшеніе: о. Макарій прислалъ ему изъ Россіи 40 руб., а вслѣдъ за нимъ и о. архимандритъ Владиміръ инспекторъ С.-Петербургской духовной академіи, столько же. Жена моя говорила Чевалковъ, радовалась. „Я, видя радость ея, сказалъ: не говорилъ ли я тебѣ, что кто работаетъ Богу, съ голоду не умретъ? Узнала ли теперь ты это?“

32 года Чевалковъ служилъ въ миссіи толмачемъ и переводилъ Священное Писаніе на Алтайскій языкъ. За 25 лѣтнее служеніе получилъ онъ въ награду отъ благовѣрнаго императора Александра Николаевича — золотую медаль. Въ 1870 г. Преосвященный Платонъ, епископъ Томскій и Семипалатинскій, пріѣхавши въ Улалу, рѣшилъ поставить Чевалкова во діакона. Онъ призвалъ его и сказалъ: „завтра на обѣднѣ я тебя рукоположу во діакона; приготовься къ завтрашнему дню.“ „Услышавши это слово, — говоритъ Чевалковъ, — я вышелъ, какъ бы обвиненный въ чемъ и возвращался домой со слезами. Въ такомъ положеніи лежавшія на дорогѣ щепы въ глазахъ моихъ казались большими. Когда я пришелъ домой, жена моя сказала: о чемъ

ты плакаль? Я отвѣтилъ: завтра архіерей меня хочетъ поставить во діаконы. Сказавши это, я сталъ къ окну и плакаль, опершиесь руками о косяки. Жена сказала: глупый ты! Что ты смотришь туда? не хочешь ли бѣжать въ пихтачъ? Молись и проси у Бога: Онъ тебѣ поможетъ. Тогда я подумалъ про себя: у меня нѣтъ ни рясы, ни подрясника; въ одинъ день когда успѣешь это сшить? Архіерей дожидаться не будетъ, — скоро уѣдетъ домой. Я уже двоился мыслями: не остаться ли мнѣ тѣмъ, чѣмъ я былъ. Въ это время въ мою ограду заѣхалъ торговецъ и сталъ отпрягать лошадей. Вскорѣ пришелъ и о. Макарій. Онъ купилъ у купца люстру и, отдавая мнѣ, сказалъ: пусть дѣти сошьютъ тебѣ изъ этого подрясникъ; — завтра тебѣ это нужно будетъ. Потомъ пришелъ посоль отъ о. архимандрита Владиміра. Когда я зашелъ къ о. архимандриту, онъ благословилъ мнѣ рясу. Я, подобно человѣку, у котораго связаны руки и ноги, — возвратился домой. Черезъ часъ Иванъ Васильевичъ Солодчинъ далъ мнѣ шляпу, говоря: діакону слѣдуетъ носить шляпу; это тебѣ завтра нужно будетъ. Тогда я подумалъ про себя: вѣрно отъ Божьяго опредѣленія не убѣжать? Вечеромъ я прочиталъ правило, — утромъ всталъ рано и также прочиталъ правило. Послѣ этого поѣхалъ въ общину; тамъ меня сдѣлали діакономъ. Послѣ этого мнѣ стало легко. Благодать Духа Божія вразумила меня“. Въ 1877 г. Чевалковъ былъ поставленъ во священника. Черезъ два года получилъ набедренникъ, а въ тотъ же годъ и скуфью.

Ив. Новиковъ.

(Окончаніе - будетъ).

**Алтайскій миссіонеръ,
протоерей Михаилъ Васильевичъ Чевалковъ.**

(Продолженіе).

По поставленіи во священника, Чевалковъ былъ назначенъ Чулышманскимъ миссіонеромъ. Тамъ посѣщая каждую юрту знакомился съ инородцами и рассказывалъ имъ о Богѣ и истинной вѣрѣ. Десяти лѣтнее пребываніе его въ Чулышманѣ было въ высшей степени благоплоднымъ, — за его время имъ обращено было изъ язычества, изъ среды Чулышманскихъ инородцевъ, болѣе 1000 человекъ инородцевъ.

Особыя старанія были приложены имъ къ обученію инородцевъ грамотѣ. Миссіонеръ вечерами ежедневно, собирая ихъ въ училище, бесѣдовалъ съ ними, училъ молитвамъ и отпускалъ домой спать. Многимъ, въ особенности изъ молодыхъ инородцевъ онъ раздавалъ буквари, заставлялъ ихъ читать, спрашивалъ насколько усвоили прочитанное. Наиболее усерднымъ и способнымъ ученикомъ

оказался инородец Николай Майзамъ, который и выучился грамотѣ прежде всѣхъ. Этотъ Николай Майзамъ въ исторіи развитія грамотности въ Алтайской миссіи долженъ занять почетное мѣсто. Онъ принялъ на себя роль странствующаго учителя и ходя съ букваремъ по всѣмъ юртамъ, обучалъ грамотѣ; помогалъ ему отчасти и другой инородецъ Андрей Пояркинъ. Благодаря ревностнымъ трудамъ этихъ двухъ лицъ, обучились грамотѣ въ скоромъ времени болѣе 100 человекъ и во всѣхъ почти юртахъ появились буквари—а на вопросъ: кто далъ букварь? Всюду слышался отвѣтъ: Николай Майзамъ. Обучая своихъ пасомыхъ Закону Божію и грамотѣ, Чевалковъ обучалъ ихъ и веденію полеваго и домашняго хозяйства—и соху направлять, и сани и телѣгу дѣлать, и тесъ пилить, и избу строить.

Чевалковъ, какъ миссіонеръ, обладалъ незамѣнимымъ даромъ съ успѣхомъ вліять на воспріимчивую душу инородца язычника, примѣняясь къ образу его возрѣній и мыслей или употребляя особыя, смотря по обстоятельствамъ, способы и приемы миссіонерскаго воздѣйствія, въ большинствѣ случаевъ сопровождавшіяся благотворными результатами. Однажды Чевалковъ, бывши въ Карасукѣ, зашелъ въ юрту некрещеннаго инородца Кадика. Кадикъ, увидѣвъ его, сказалъ: „у васъ уже голова стала сѣдѣть.“ На это Чевалковъ отвѣтилъ: если бы человекъ не старѣлъ, а лошадь не тощала, то и небо не поколебалось бы и земля не разрушилась бы“. Кадикъ сказалъ: какъ же небо поколеблется и земля разрушится? Воспользовавшись этимъ, Чевалковъ началъ разказывать о сотвореніи неба и земли и послѣдней судьбѣ міра и человека. Ниже помѣщаемый разказъ показываетъ съ какой настойчивостью и послѣдовательностью стремился къ осуществленію намѣченной имъ цѣли и задуманнаго плана Чевалковъ. О. Архимандритъ Владиміръ поручилъ Чевалкову отправиться въ Караголъ съ проповѣдью. Че-

валковъ отправился, взявъ съ собою двухъ поющихъ мальчиковъ, Но онъ не въѣхалъ прямо въ селеніе, а поставилъ подлѣ юрты палатку и сталъ въ ней жить, но никто изъ Карагола къ нему не приходилъ. Оказалось, что всѣ старшіе выѣхали на пашни жать хлѣбъ и если нѣкоторые изъ нихъ по ночамъ и пріѣзжали, то рано утромъ опять уѣзжали. Такъ прошло болѣе недѣли — запасы Чевалкова начали истощаться, а дѣти готовы были уже плакать и начали просить о возвращеніи домой. Въ одинъ вечеръ, когда Чевалковъ распѣвалъ съ своими мальчиками по Алтайски „достоинно есть“, подошелъ къ палаткѣ одинъ мальчикъ, посидѣлъ у огня, послушалъ и ушелъ; ему дали нѣсколько сухарей, на второй вечеръ пришли 3 мальчика и ихъ угостили чаемъ съ сухарями, на третій день съ этими мальчиками пришла женщина, а на четвертый старецъ Тискенекъ. Узнавъ, что Чевалковъ живетъ тутъ уже давно и все еще не видался съ жителями Карагола, Тискенекъ посоветовалъ сходить ему къ „брату Каланакъ который считается у нихъ старшимъ въ селеніи и что онъ ни скажетъ, во всемъ его слушаютъ.“ Теперь Каланакъ, прибавилъ Тискенекъ, лежитъ дома больной, — сходите къ нему и расскажите ему хорошенько о Богѣ, если онъ увѣруеть, то и всѣ увѣруютъ. Чевалковъ пошелъ въ юрту Каланакъ, въ отвѣтъ на привѣтствіе Чевалкова, Каланакъ спросилъ: Вы кажется уже болѣе 10 дней здѣсь живете, и по какой надобности такъ долго живете? — Не по своей надобности я здѣсь живу и голодаю, — отвѣчалъ Чевалковъ, а для того, что бы сдѣлать здѣшнимъ жителямъ пріятное для нихъ добро. Каланакъ сказалъ: неужели Вы въ самомъ дѣлѣ пріѣхали сюда съ намѣреніемъ сдѣлать намъ добро? Чевалковъ отвѣтилъ да меня послалъ старшій священникъ: онъ мнѣ сказалъ въ Караголѣ слышно блеяніе Божіихъ овецъ, и лишившихся своего мѣстожителства (были выгнаны раскольниками), какъ бы ихъ не похитилъ злой

волкъ діаволъ и послѣ они не попали бы въ адскую огненную бездну. И онъ послалъ меня разказать вамъ объ истинной вѣрѣ. „Я слышалъ объ истинной вѣрѣ, вставилъ Каланакъ, отъ о. Макарія Чемальскаго, который хорошо говоритъ на нашемъ языкѣ—и вы расскажите. Выслушавъ разказъ, Каланакъ призвалъ всѣхъ односельниковъ, и во всеуслышаніе заявилъ предъ ними: этотъ человекъ съ грамотными дѣтьми пріѣхалъ сюда для насъ. Они терпятъ здѣсь голодъ и не для того пріѣхали, чтобы сдѣлать намъ зло, но чтобы сдѣлать добро и душамъ нашимъ, и намъ самимъ. Мы приносимъ діаволу скотъ нашъ, данный намъ отъ Бога. Когда пріѣзжаетъ отъ начальства городской, то и на одинъ день закалываемъ для него двухлѣтняго теленка. Городовые нѣкоторыхъ изъ насъ бьютъ нагайками, а если, что увидятъ хорошее, отнимаютъ; а эти люди, которые пріѣхали къ намъ сдѣлать добро, голодаютъ здѣсь. Заколите для нихъ изъ нашего скота теленка, кромѣ того дайте руки ваши въ томъ, что увѣруете въ Бога,—не противьтесь, говоря: не будемъ въ Бога вѣровать; худо послѣ будетъ вамъ. Послѣ этого былъ приведенъ и заколотъ трехлѣтній теленокъ и они дали руки въ томъ, что желаютъ креститься и всѣ вскорѣ дѣйствительно, были крещены въ количествѣ 63-хъ душъ.

Чевалковъ среди своихъ общественниковъ пользовался большимъ почетомъ и уваженіемъ и оказывалъ большое вліяніе на дѣла общественныя. Общественники неоднократно выбирали его уполномоченнымъ по разнаго рода дѣламъ и ходатайствамъ; онъ же прошелъ и цѣлый рядъ общественныхъ должностей до старшины включительно. Услугами его, какъ толмача какъ человека бывалаго и во всемъ освѣдомленнаго, какъ своего рода дипломата пользовались интересующіеся Алтайской жизнью интеллигенты и чиновники командированные правительствомъ и даже самъ Губернаторъ. Такъ еще въ то время, когда Чевалковъ былъ толмачемъ у О. Стефана,

пріѣзжалъ изъ Кузнецка чиновникъ Н. И. Ананьинъ. Этотъ Ананьинъ занимался собираніемъ свѣдѣній о нравахъ и обычаяхъ инородцевъ, объ ихъ пѣсняхъ и камлани. Такія свѣдѣнія у него уже были собраны о Кузнецкихъ инородцахъ, но перевести всѣ эти свѣдѣнія на русскій языкъ человека въ Кузнецкѣ не нашлось. Наслышавшись о Чевалковѣ, Ананьинъ и пріѣхалъ въ Улалу и упросилъ отца Стефана уступить ему на нѣкоторое время Чевалкова, для означенныхъ услугъ; недѣлю продолжалась работа; потомъ чиновникъ Ананьинъ, поручивъ Чевалкову написать о вѣрованіяхъ и преданіяхъ мѣстныхъ инородцевъ, далъ ему за труды 2 рубля и уѣхалъ. Чевалковъ написалъ не мало и все написанное чрезъ о. Стефана отправлялъ въ Кузнецкъ Ананьину. На другой годъ Ананьинъ опять пріѣхалъ и взялъ съ собой Чевалкова въ Бійскъ; тамъ Чевалковъ занимался переводами 9 дней, за каковой трудъ получилъ отъ щедраго чиновника 3 цѣлковыхъ. Чрезъ 3 мѣсяца тѣмъ же Ананьинимъ Чевалковъ былъ вызванъ въ Кузнецкъ и тамъ провелъ за переводами 2 мѣсяца;—при отъѣздѣ получилъ 10 рублей. При прощаньи Ананьинъ обѣщалъ Чевалкову помогать деньгами, но послѣ этого не давалъ о себѣ никакихъ извѣстій.

Неоцѣнимыя услуги оказалъ Чевалковъ и командированному на Алтай изъ Петербурга, чиновнику Андрею Густавовичу Принцу. Принцъ еще задолго изъ Петербурга посылалъ Чевалкову письмо, но письмо Чевалковымъ не было получено. Принцъ пріѣхалъ въ то время, когда Чевалкова общественники избрали старшиной, о чемъ составляли приговоръ, но Принцъ потребовалъ къ себѣ общественниковъ, и заявилъ имъ, что Чевалковъ нуженъ ему „по казенной надобности“, велѣлъ избрать другаго старшину; избранъ былъ Константинъ Чевалковъ. Чевалковъ отправился съ чиновникомъ къ Кумандинскимъ и Черневымъ инородцамъ; на стоянкахъ онъ раз-

сказывалъ собиравшимся инородцамъ о Богѣ. Чиновникъ, однажды выйдя изъ палатки, спросилъ: что ты тамъ рассказываешь? „О Богѣ“,—отвѣтилъ Чевалковъ. „Если не лѣнь, говори, это не худо“. На устьѣ Чулышмана на Кырсаѣ инородцы задержали чиновника и Чевалкова и не давали имъ не только подводъ, но и пропуска, потому что прѣзжалъ изъ Китайской земли большой чиновникъ анбынъ, отрѣзалъ эту землю, поставилъ „обою“,—насыпъ изъ камней и сказалъ: чтобы отъ устья Чулышмана вверхъ русскій народъ не проѣзжалъ.“ Чевалковъ спросилъ инородцевъ: а изъ русскихъ чиновниковъ былъ кто нибудь съ анбыномъ? Они отвѣтили: нѣтъ, были одни Китайскіе чиновники и юрганы.

„Если такъ, то это значить, что они украдкой отрѣзали землю бѣлаго царя; при отрѣзкѣ должны бы быть и чиновники бѣлаго царя,—какъ же Китайскій анбынъ осмѣлился своей властью отрѣзать землю, принадлежащую бѣлому царю?

— „Отъ аябына есть двѣ бумаги о нарѣзкѣ земли“ одна у бошки Тоарги, другая у домючи Сомонака. Чевалковъ попросилъ доставить эти бумаги, чтобы просмотрѣть ихъ. Бумаги были доставлены; Чевалковъ просмотрѣлъ ихъ и сказалъ: здѣсь ничего не говорится о нарѣзкѣ земли,—это бумаги фальшивыя, поѣдемъ лучше, покажемъ ихъ Зайсанскому писарю. Послѣ этого Чевалковъ началъ просить дать имъ подводы. Они отвѣтили: мы боимся, чтобы начальникъ нашъ анбынъ, поставившій „обою“ не обвинилъ насъ въ томъ, что пропустили русскаго чиновника. Чевалковъ успокоилъ ихъ: вы не будете виноваты, а виноватъ будетъ начальникъ вашъ анбынъ, почему онъ поставилъ пограничный знакъ, не имѣя на то приказаній отъ двухъ государей? Послѣ этого Чевалковъ вмѣстѣ съ присутствовавшими тутъ русскими раскидали „обою“. Это подѣйствовало на инородцевъ. Они немедленно приготовили подводы и закололи на за-

пасъ черную овцу. Принцъ и Чевалковъ отправились на Кош-агашъ (Кожегачъ); куда собрались всѣ Чуйскіе старшины и почетные люди и остановились станомъ. Принцъ съ Чевалковымъ отправились въ юрту зайсана Чичкана. Чичканъ принялъ ихъ дружелюбно и угощалъ чаемъ. Чевалковъ началъ говорить о пограничныхъ знакахъ, которые поставилъ анбынъ въ Кырсаѣ. Зайсанъ сказалъ: этотъ анбынъ, пока былъ здѣсь, объѣлъ здѣшній народъ до разоренія. Онъ говорилъ, что теперь изданъ какой-то новый законъ. Чевалковъ предлагалъ: вы лучше перейдите въ подданство къ бѣлому царю, чѣмъ быть всегда объѣдаемыми китайцами. Зайсанъ отвѣтилъ: если бы бѣлый царь принялъ насъ, то мы перешли бы къ нему. Я отвѣтилъ: эта земля, на которой вы живете, принадлежитъ бѣлому царю; вѣдь вы для этого платите ему и коланъ. Поэтому, вамъ легче будетъ давать подать въ одну сторону, чѣмъ на двое. Анбынъ, коль скоро уже разъ нашелъ на васъ, такъ каждый годъ будетъ поѣдать васъ. Зайсанъ отвѣтилъ: завтра я соберу всѣхъ лучшихъ и почетныхъ людей и приду съ ними въ вашъ станъ, а вы съ ними поговорите. На слѣдующее утро собралось много людей около палатки чиновника. Съ ними прибылъ и зайсанъ Чичканъ. Собравшемуся народу Чевалковъ разъяснилъ обманъ анбына и въ заключение сказалъ: анбыны и юрганы обманомъ каждый день собираютъ съ жителей Чулышмана на запасъ себѣ по сорока головъ скота. Изъ нихъ съѣдая на день только по три, остальное продаютъ китайцамъ. Такое поведеніе ихъ ужели не раззорительно для васъ? Съ Чулышманскаго общества они взяли около 70 лошадей, обѣщавъ имъ нарѣзать земли и сверхъ того взяли много лисицъ и соболей. Это ли благорасположеніе къ вамъ анбына? Вѣдь они хотятъ обглодать васъ до чиста, тогда они сказали: мы посоветуемся; и потомъ, разведши огонь подъ тальникомъ, долго тамъ сидѣли и совѣщались; наконецъ, объявили свое рѣшеніе;

если бѣлый царь насъ не приметъ, то намъ не остаться бы виноватыми предъ обоими государями. Чевалковъ возразилъ: вѣдь земля, на которой вы живете, принадлежитъ бѣлому царю; поэтому, чего же вамъ бояться? Вы дайте слово перейти къ бѣлому царю, а этотъ чиновникъ пошлетъ къ государю бумагу, тогда два государя посоветуются между собой. Они сказали: „что будетъ, то и будь;—перейдемъ къ бѣлому царю“ и всѣ дали мнѣ руки.

Чевалковъ пошелъ и сказалъ чиновнику: они дали мнѣ руки, что перейдутъ къ бѣлому царю. Чиновникъ, услышавши это, засмѣялся и сказалъ: неужели въ самомъ дѣлѣ они хотятъ перейти? И больше ничего не сказалъ.

Вообще чиновникъ этотъ все больше сидѣлъ въ палаткѣ и писалъ бумаги, главнымъ же дѣятелемъ во всѣмъ этомъ дѣлѣ былъ Чевалковъ. Вскорѣ чиновникъ уѣхалъ и далъ Чевалкову за труды 67 рублей.

На другой годъ Чевалковъ получилъ отъ Томскаго Губернатора Лерхе бумагу, которой онъ вызывалъ его выѣхать къ нему на встрѣчу въ с. Алтайское, чтобы взять его съ собой для разслѣдованія начатаго Принцемъ дѣла о переходѣ инородцевъ въ русское подданство.

Поэтому на слѣдующій же день Чевалковъ пріѣхалъ туда и ожидалъ у квартиры, гдѣ долженъ остановиться Губернаторъ. Черезъ часъ прибылъ Губернаторъ. Вышедши изъ экипажа, онъ зашелъ въ домъ и потомъ вскорѣ опять вышелъ изъ дому и спросилъ у общественниковъ: нѣтъ ли здѣсь Чевалкова? Когда Чевалковъ подошелъ къ нему, онъ поздоровался съ нимъ, взялъ его за руку и повелъ въ комнату. Здѣсь онъ сказалъ ему: минувшій годъ ты ѣздилъ на Кожегачь? Чевалковъ отвѣтилъ: ѣздилъ съ Принцемъ. Онъ улыбнулся и сказалъ: *ты тамъ взялъ въ плънь двѣ волости*, а теперь поѣдемъ туда, чтобы, удостоверившись,

написать объ этомъ. Тебѣ самому нужно и быть толмачемъ“. Отправились и черезъ двои сутки прибыли въ Ангудай. На улицѣ собралось много алтайцевъ и зайсановъ ихъ. Губернаторъ сказалъ Чевалкову: здѣсь два челоѡка судятся между собой; пойдн, разбери между ними дѣло; тамъ есть зайсаны, пусть они слушаютъ; когда кончишь разбирательство, приди и скажи мнѣ.

Подсудимыми были Таакъ и Курманъ Черновъ. Чевалковъ выслушавши ихъ спорное дѣло, Курмана Чернова обвинилъ, а Тааку передалъ шесть лошадей; послѣ этого пришелъ и рассказалъ объ этомъ Губернатору. Губернаторъ вышелъ и спросилъ у зайсановъ: нравится ли вамъ такое рѣшеніе дѣла?—Нравится,—отвѣчали зайсаны. Губернаторъ сказалъ: напишите же мнѣ бумагу, что вы согласны съ такимъ рѣшеніемъ. Они написали и приложили свои печати.

Изъ Ангудая мы отправились въ Кош-Агачъ. Дорогой Чевалковъ скорбѣлъ въ душѣ своей и раздумывалъ „что если Чуйскіе зайсаны откажутся и скажутъ, что мы не давали слова перейти въ подданство бѣлому царю? Вѣдь мнѣ будетъ худо! По прибытіи въ Кожегачъ, остановились въ домѣ Гилева. Тамъ въ это время собрались Чуйскіе зайсаны, почетные люди и общественники. Губернаторъ, сошедши съ лошади и поставивши Чевалкова возлѣ себя, сказалъ имъ: узнаете ли вы этого челоѡка? Они отвѣтили: мы его видали много разъ. Губернаторъ спросилъ: въ прошедшій годъ онъ что вамъ говорилъ? Они отвѣтили: говорилъ намъ, чтобы мы перешли къ бѣлому царю. Губернаторъ спросилъ: и вы обѣщались перейти? Они отвѣтили: если бѣлый царь приметъ насъ, то перейдемъ; въ этомъ мы дали и руки этому толмачу. Губернаторъ сказалъ: теперь желаете ли перейти? Желаемъ, отвѣтили они. Тогда на душѣ у меня стало свѣтло, прибавляетъ Чевалковъ и я весьма обрадовался. Губернаторъ же сказалъ засѣдателю Судовскому: ты переищи весь

этотъ народъ и вели зайсанамъ приложить свои печати. На слѣдующій день прибыли для свиданія съ Губернаторомъ китайскіе военные чиновники. У нихъ было два толмача и у Губернатора два толмача; всего переводчиковъ было четверо. На другой день одинъ юрганъ, прибывшій послѣ военныхъ чиновниковъ, сказалъ: тотъ юрганъ, который обманывалъ Чуйскій народъ, обѣщавши имъ нарѣзать земли, не доѣзжая досюда, на дорогѣ удавился. На слѣдующій день утромъ рано Чевалковъ увидалъ, что китайскіе солдаты, сдѣлавши изъ камней большую насыпь и ставши около нея, совершали молитву. Молились около полчася. Послѣ этого губернаторъ, увидавши Чевалкова сказалъ: ты, Чевалковъ, что сегодня видѣлъ во снѣ?—Во снѣ ничего не видалъ, а такъ видѣлъ, какъ китайскій отрядъ дѣлалъ насыпь изъ камней и совершалъ моленія. Послѣ этого Губернаторъ, собравши купцовъ (русскихъ), пригласилъ ихъ пить чай и сказалъ имъ: „сколько вы здѣсь лѣтъ торгуете, а у васъ здѣсь нѣтъ молитвеннаго дома, куда бы можно было придти Богу помолиться. Здѣсь нужно устроить церковь. Посовѣтуйтесь между собой и устройте. Вотъ и монголы, язычники, по своей вѣрѣ, устроивши „обою,“ совершаютъ молитвы, а вамъ, исповѣдующимъ святую вѣру, не стыдно ли предъ этими людьми, держащимися черной вѣры? Я сдѣлаю прикладъ денегъ на основаніе церкви, а вы остальное между собой соберите и выстройте церковь! Послѣ этого по подпискѣ пожертвовали, кто сколько могъ. Гилевъ обѣщался завѣдывать постройкой и чего не достанетъ, дать отъ себя. Такимъ образомъ, тамъ устроилась церковь.

Вскорѣ послѣ этого Чевалковъ разстался съ Губернаторомъ получивши отъ него за услуги 76 рублей.

Во время служенія въ Чулышманѣ, Чевалковъ былъ награжденъ камилавкой; за обращеніе въ 1883 г. свыше 100 человекъ изъ язычества орденомъ св. Анны 3 степени; а будучи уже за штатомъ, за 3 года до смерти получилъ санъ протоіерея.

Ив. Новиковъ.